
НАТАЛЬЯ ТОМАСЕ
ПРОШЛОЕ
ПРИХОДИТ В ШТОРМ

Наталья Томасе

Прошлое приходит в шторм

«Автор»
2026

Томасе Н.

Прошлое приходит в шторм / Н. Томасе — «Автор», 2026

Островной дом на Ладоге хранит истории одной семьи. Когда непогода отрезает его обитателей от материка, старые тайны начинают выходить наружу.То, что казалось легендой, оборачивается частью прошлого. То, что считалось забытым, оказывается совсем рядом.Прошлое не исчезает только потому, что о нём молчат. Оно само возвращается, когда начинается шторм.

© Томасе Н., 2026
© Автор, 2026

Содержание

ПРОЛОГ 5
Глава 1 6
Глава 2 11
Глава 3 15
Глава 4 21
Глава 5 27
Конец ознакомительного фрагмента. 30

Прошлое приходит в шторм

ПРОЛОГ

Ночь пришла внезапно, как это бывает на северных озёрах — без долгих сумерек, без предупреждения. Ещё час назад над водой лежал тяжёлый серый туман, а теперь небо разорвала буря.

Ветер гнал волны к каменистому берегу острова, и чёрная вода тяжело билась о скалы.

Она бежала.

Платье цеплялось за мокрые ветви, подол потемнел от грязи и сырости. Ветер сорвал с головы ленту и понёс её в темноту. Но ей было всё равно. Где-то позади, среди сосен, ломались ветки. Ей казалось, что кто-то идёт за ней попятам. Она отчётливо слышала тяжёлые, уверенные шаги.

Девушка оглянулась, но между стволами стояла только тьма. Молния на мгновение разорвала небо — и остров вспыхнул холодным белым светом. Лишь сосны, мокрые камни, чёрная гладь озера… и силуэт человека на тропе.

Она не закричала. Крик всё равно бы утонул в порывах ветра.

Девушка выбежала к воде. Здесь остров обрывался почти отвесно — каменная площадка, скользкая от дождя. Волны били в скалу так, будто хотели расколоть её.

Она остановилась у самого края и в мозгу отчётливо слышались приближающиеся шаги и дыхание — чужое, тяжёлое, спокойное.

— Нет… — прошептала она, сама не зная, слышит ли её кто.

Она обернулась. Молния вспыхнула снова. И в это мгновение она увидела мужское лицо. Девушка закрыла глаза и сделала шаг.

Вода сомкнулась над ней мгновенно — холодная, как камень.

Молния сверкнула еще раз и погасла. И озеро снова стало чёрным и тихим…

Глава 1

День первый

Утро в Петербурге было тихим и ясным. Солнце отражалось в Неве, окрашивая воду в серебристый свет, а город просыпался привычным ритмом. Алекс Морозов, или Лекс, как звали друзья, ловко паковал вещи в большой рюкзак. Лада раз пять уже перетряхивала свой огромный чемодан и громко жаловалась:

— Буся, что мне вообще брать?

Он вздрогнул едва заметно — настолько, что она бы и не заметила, если бы смотрела. Это слово он ненавидел всей душой.

«Буся». Господи. Как будто он не взрослый мужчина, владелец ювелирного салона, а плюшевый хомяк с сердечком на пузе.

Каждый раз, когда она так его называла, у него внутри что-то сжималось — смесь раздражения, смущения и странного бессилия. Он мог спорить с кем угодно, мог поставить на место любого клиента, мог выбить скидку у поставщика, который «никогда никому не делает скидок». Но вот с этим словом — ничего не мог поделать.

Она произносила его так легко, так естественно, будто это и правда его имя. И самое ужасное — он уже начал привыкать.

— Не называй меня так, — буркнул Алекс, не оборачиваясь. — Я тебе не Буся.

— Ты прав, ты же у нас Морозов, — продолжила Лада, копаясь в вещах. — Ты обязан быть чем-то холодным и величественным. Настоящий… морозный барс или ледяной волк.

Он закатил глаза так, будто хотел увидеть собственный мозг.

Морозный барс. Господи. Что дальше — снежный пони? Ледяной зайчик?

Холодный — последнее время, да. *Величественный* — спорно.

Алекс вздохнул, застегнул рюкзак и решил, что спорить бесполезно.

— Возьми мозги. Всё остальное необязательно. И перестань давать мне клички.

— Это не кличка, — возразила Лада. — Это… нежность.

Вот именно. Нежность. С ней он тоже, последнее время, не умел обращаться.

— Поторопись, ребята ждут.

Лада фыркнула — по-подростковому резко, по-девчачьи обиженно, но послушно вытащила из чемодана очередную стопку вещей. Потом посмотрела на них и снова засунула три худи, два пледа, косметичку размером с кирпич и зарядки от всех устройств, которые у неё когда-либо были.

Она стояла посреди комнаты в коротких шортах и растянутой футболке, волосы собраны в высокий хвост, на лице — лёгкий утренний хаос. Типичная Лада: будто только что проснулась, но уже успела устать.

— Там же холодно, да? — спросила она, глядя на окно, где солнце обманчиво играло на стекле. — Или не холодно? Или… ну ты понял.

— Это Ладога, а не Бали, — напомнил Алекс. — Возьми тёплое. И удобное. И не то, что ты надеваешь «для фоточек».

— А что плохого в фоточках? — возмутилась она, но уже вытаскивая из шкафа толстовку. — Ты просто не понимаешь эстетику.

— Я понимаю эстетику, — спокойно ответил он. — Я ювелир. А ты понимаешь только фильтры.

Она бросила в него носком, но… промахнулась.

Пока Лада металась между шкафом и чемоданом, Алекс действовал методично: аптечка, документы, навигатор, инструменты. Он знал, что на острове может быть всё что угодно —

от сломанной двери до следов чужих визитов. Дом стоял пустым последний год, и он не был уверен, что найдёт его таким, каким помнил.

Лада тем временем наконец решила, что «всё», и села на кровать, устало выдохнув:

— Я готова. Наверное. Почти. Ладно, не готова, но давай сделаем вид.

Алекс посмотрел на неё поверх плеча — с тем самым снисходительным выражением, как смотрят взрослые на тех, кто ещё не научился отличать тревогу от паники. Этот взгляд её одновременно раздражал и почему-то успокаивал.

— Ты справишься. Это всего лишь неделя на природе. Не экспедиция на Марс.

— Для меня — почти Марс, — буркнула она, но улыбнулась.

Он подошёл, легко потрепал её по голове — жест, который она терпеть не могла, но никогда не отодвигалась.

— Пошли, Лада. Ладожские шхеры ждут.

Она поднялась, взяла чемодан, который выглядел как маленький шкаф на колёсиках, и последовала за Алексом.

Возле дома на парковке стояла его машина — тёмный, ухоженный внедорожник *Toyota Land Cruiser,* который идеально подходил Алексу: дорогой, но без показного блеска, сдержанный, как и он сам.

На капоте в яркой толстовке сидел Димон, болтая ногой и жуя жвачку. Рядом стоял Стас, опершись на дверь и изучая окрестности так, будто даже в тихом дворе могло скрываться что-то подозрительное. В его спокойствии было что-то стальное. А во взгляде — холодное, оценивающее любопытство.

— О, голубки! — радостно выкрикнул Димон, заметив их. Его глаза всегда смеялись раньше, чем рот, а смеялся он всегда и громче всех, будто боялся тишины.

Лада закатила глаза, но улыбнулась. Димон всегда действовал на неё как энергетик — шумный, бесконечно позитивный, будто живущий в режиме «вечеринка никогда не заканчивается».

Стас же лишь коротко кивнул. Он был из тех, кто не тратит слова зря. Если Димон был хаосом, то Стас — порядок, и оба они странным образом идеально дополняли Алекса.

Стас посмотрел на Ладу, оценивая её чемодан:

— Ты уверена, что тебе всё это нужно?

— Абсолютно, — уверенно сказала она. — Я девушка. У нас всё нужное.

— Это ложь, — пробормотал Алекс, но тихо, чтобы она не услышала.

Но она услышала.

— Я слышу, — сказала Лада, но без злости. — И вообще, я молодец. Я собрала всё за полчаса.

— За час, — поправил Алекс.

— За полчаса! — упрямо повторила она.

Димон прыснул:

— Господи, как вы ещё не убили друг друга.

Алекс пожал плечами:

— Привычка.

Лада фыркнула, но в её взгляде мелькнула тёплая искра.

— Ну что, готовы к приключениям века? — спросил Димон, запрыгивая в машину.

— Мы-то готовы, — сказал Алекс, забрасывая вещи в багажник. — Вопрос, готовы ли вы.

— Я всегда готов, — Димон хлопнул ладонью по спинке сиденья. — Я даже вчера не пил. Ну… почти.

Стас скосил на него взгляд:

— «Почти» — это сколько?

— Ну… — Димон задумался. — Два бокала. И шот. Но малюсенький. Вот такой. — Он поставил параллельно большой палец и мизинец.

Стас тихо выдохнул, как человек, который уже смирился с тем, что живёт среди идиотов, но всё равно их любит.

— Сейчас лето, конечно, — сказал он, глядя на Алекса, — но кто знает этот север. Я посмотрел прогноз, к понедельнику может подняться ветер.

— Вот почему я беру тебя, — кивнул Алекс. — Чтобы кто-то думал за нас всех.

— Эй! — возмутился Димон. — Я тоже думаю. Иногда.

— Ты думаешь, где ближайший бар, — заметила Лада, поправляя лямки своего рюкзачка.

— Ну так это важная информация, — не растерялся он. — Вдруг на острове скучно.

Алекс усмехнулся, закрывая багажник:

— На острове нет баров. Это точно.

— Что?! — Димон искренне ужаснулся и театрально начал открывать дверь. — А зачем мы туда вообще едем?

— Чтобы я посмотрел дом, — спокойно ответил Алекс. — И чтобы ты наконец увидел, что мир существует и без коктейлей.

— Звучит как вызов, — Димон прищурился. — Ладно. Я принимаю.

Стас хлопнул дверью:

— Поехали уже. Чем раньше выйдем, тем меньше шансов встрять в пробку.

Лада заняла место рядом с Алексом, пристёгиваясь и украдкой наблюдая за ним. Он включил двигатель, и машина мягко тронулась.

Питер остался позади, а впереди их ждала Ладога — и дом Алекса, полученный в наследство от деда.

— Так всё-таки, Лекс, — сказал Димон, — объясни нормально. Откуда у тебя вообще этот остров?

Алекс пожал плечами, не отрывая взгляда от дороги.

— Да ничего интересного. На нём был советский дом отдыха на несколько семей.

— Серьёзно? — Лада повернулась к нему.

— Угу. В девяностые его выкупили. Дед тогда занимался... разным бизнесом.

— И теперь это всё твоё? — присвистнул Димон.

— Формально. — Алекс усмехнулся. — Но ненадолго. Продам и забуду.

— А дом большой?

— Старый. Деревянный. Конец девятнадцатого века вроде.

Стас поднял голову от телефона, где изучал достопримечательности района, куда они направлялись.

— Девятнадцатый?

— Ага. Какой-то дворянин построил.

— Значит, у нас отдых в настоящем дворянском особняке, — радостно объявила Лада.

— Не совсем, — поправил Алекс. — Это не особняк. Скорее… большой дачный дом. С историей.

— С какой ещё историей? — Димон моментально оживился. — Там что, привидения? Тайники? Сокровища?

— Да, Дим, — сухо сказал Алекс. — И ещё там живёт старый дворецкий с косой, который ждёт меня двадцать лет, чтобы вручить письмо от предков.

Димон задумался на секунду, потом фыркнул:

— Ну ты и зануда.

— А остров большой? — поинтересовался Стас.

— Небольшой, — ответил Алекс. — Пара километров в длину. Лес, камни, пара бухт. Дом стоит ближе к северной стороне.

— Постройки есть? — уточнил Стас. — Сараи, баня, причал?

— Баня была. В каком состоянии — не знаю. Ещё какой-то сарай, кажется. Я там был последний раз… лет пятнадцать назад.

— Отлично, — пробормотал Стас. — Значит, всё может быть в любом состоянии.

— Вот поэтому мы и едем, — спокойно сказал Алекс. — Хотя дядька каждый год на рыбалку туда ездил. Посмотрим, что можно продать, а что — сжечь к чёртовой матери.

— Сжечь?! — Лада округлила глаза. — А можно я сначала фотосессию сделаю?

— Если дом не рухнет тебе на голову, — сказал Алекс.

— Романтик, — вздохнула она.

Димон наклонился вперёд между сиденьями:

— А там электричество-то вообще есть? Или мы будем жить как первобытные люди? Я просто хочу понимать, мы пиво будем пить тёплое или из холодильника?

Алекс даже не повернул головы, только чуть приподнял бровь:

— Электричество есть. Иногда. Когда генератор не решает умереть.

Димон нахмурился:

— «Иногда» — это как? Типа утром есть, вечером нет?

— Типа как ты на работе, — спокойно пояснил Алекс. — Формально присутствуешь, но пользы мало.

Лада прыснула, прикрывая рот ладонью.

Димон возмутился:

— Эй! Я между прочим незаменимый человек.

— Особенно когда нужно выпить чьё-то пиво, — добавил Стас, не поднимая глаз от телефона.

— Это называется дегустация, — отмахнулся Димон и вернулся к главной теме. Так вот! Холодильник-то работает?

Алекс вздохнул:

— Если повезёт — да. Если нет — будешь пить тёплое. Считай, что это культурный опыт.

— Культурный опыт — это музЭй, — буркнул Димон. — А тёплое пиво — это пытка.

— Тогда радуйся, — усмехнулся Алекс, — в Ладоге вода прохладная, будет тебе холодильником.

Димон откинулся на сиденье, драматично вздохнув:

— Ладно. Если что — я буду жаловаться. Громко. Потому что тишина мне вредна. Я в тишине начинаю думать. А это опасно.

Стас усмехнулся краем губ:

— Для всех нас.

Лада повернулась к Алексу, изучая его профиль:

— А почему ты никому раньше не говорил про этот дом?

Алекс пожал плечами, будто это не имело большого значения.

— Не было повода. Да и… — он на секунду замолчал, подбирая слова. — Это из старой жизни. Из той, которую я не очень люблю вспоминать.

В салоне повисла короткая тишина. Даже Димон притих. Лада осторожно коснулась руки Алекса:

— Ну… может, пора закрыть эту страницу.

Алекс бросил на неё быстрый взгляд — короткий, но тёплый.

— Может быть.

А в голове промелькнула мысль: если бы всё было так просто.

Димон тут же разрушил момент:

— Ладно, философы, хватит драм. Главное скажи честно: там есть где пожарить шашлыки?

— Есть, — ответил Алекс.

— Всё! — Димон откинулся на сиденье. — Тогда я официально за поездку.

Стас покачал головой:

— Ты бы и в Антарктиду поехал, если бы там был мангал и пиво.

— Конечно! — гордо заявил Димон. — Я человек простой.

Машина выехала на трассу, и Петербург постепенно растворился в зеркале заднего вида. Впереди их ждали шхеры, остров и дом… из прошлого. И никто из них ещё не знал, что за этой поездкой скрывается нечто большее, чем просто отдых у холодной Ладоги…

Глава 2

Дорога закончилась неожиданно.

Асфальт сначала стал узким, потом перешёл в гравий, а затем и вовсе исчез между соснами. Машина выехала на небольшую площадку у воды, где стояло всего несколько старых автомобилей и один покосившийся сарай.

Дальше была только вода.

Шхеры начинались сразу за узкой полосой камня и песка. Между островами тянулись тёмные проливы, а над водой медленно полз лёгкий туман.

— Всё? — спросил Димон, выглядывая из окна. — Дальше пешком по воде?

— Твоё имя Димон, а не апостол Пётр, — усмехнулся Алекс. — Дальше лодка.

Он заглушил двигатель. Вокруг стало неожиданно тихо — только ветер шевелил верхушки сосен, да плескалась вода. Лада вышла из машины и сразу нахмурилась:

— А где нормальный причал?

— Это север, — спокойно ответил Стас. — Здесь всё попроще.

Димон уже стоял у берега и рассматривал острова.

— Красиво, — тихо сказал он.

Алекс огляделся. Причал действительно был простой — несколько старых досок, прибитых к толстым брусьям. Рядом покачивалась моторная лодка. И возле неё сидел старик на перевёрнутом ящике и спокойно курил, будто только их и ждал.

— Добрый день, — сказал Алекс, подходя ближе.

Старик поднял голову. Лицо у него было загорелое, морщинистое, глаза — светлые и внимательные. На нём — выцветшая куртка и старая шерстяная шапка, хотя погода была вполне тёплая.

— На остров? — спросил он низким, хрипловатым голосом.

— Да, — кивнул Алекс. — Дом Морозовых.

Старик несколько секунд молчал и внимательно смотрел на Алекса, словно проверяя что-то в его лице. Потом медленно кивнул:

— Знаю.

Он сплюнул в сторону и только потом добавил:

— Дачный дом Яропольского.

— А кто такой Яропольский? — спросила Лада. — Родственник?

— Нет. Не родственник, — сказал он коротко, почти отрывисто, будто не хотел продолжать разговор. — Просто старый хозяин.

Димон уже тащил сумки к лодке.

— Отлично! Значит, вы наш капитан, —обратился от к лодочнику.

Старик встал и затушил сигарету о камень.

Лада осторожно ступила на доски причала и недовольно поморщилась:

— Надеюсь, эта лодка не утонет.

Старик посмотрел на неё так, будто не понял — шутка это или нет.

— Не утонет, — сказал он.

Они начали загружать вещи. Алекс стоял у воды и смотрел на острова впереди. Там, за каменными грядами и соснами, был его дом. Или, точнее, дом его деда, отца и дяди.

— Далеко плыть? — спросил Стас.

— Минут десять, — ответил лодочник.

Он завёл мотор, потом вдруг добавил:

— Место там тихое.

Стас усмехнулся:

— Это хорошо.

Старик посмотрел на него:

— Смотря для кого.

Никто ничего не ответил. Через минуту лодка мягко отошла от причала и скользнула между островами. Вода в шхерах была тёмной и спокойной, будто зеркало, в котором отражались сосны и редкие облака. Каменные островки появлялись то слева, то справа — одни голые, другие заросшие густым лесом.

— Ну и где твоя турбаза? — спросил Димон, щурясь от солнца.

— Сейчас увидишь, — ответил Алекс.

Лодка обогнула длинную гранитную гряду — и остров появился перед ними.

Сначала — только тёмные сосны, стоящие плотной стеной. Потом, когда лодка подошла ближе, сквозь деревья проступили очертания дома.

Он стоял на пологом склоне, обращённый окнами к воде. Большой, деревянный, тёмно-медового цвета — как старый лак, который со временем только становится глубже. Высокая крыша, широкая веранда, резные перила, потемневшие от времени. С одной стороны поднималась небольшая башня с узкими окнами. Она выглядела так, будто наблюдала за ними ещё до того, как лодка появилась из-за камней.

Но главное — дом был в отличном состоянии.

Ни провалившейся крыши.

Ни выбитых стёкол.

Ни облупившейся краски.

Он выглядел так, будто хозяева просто уехали вчера и скоро вернутся.

Лада первой нарушила тишину:

— Эм… а почему он такой… целый? Если он построен в XIX веке.

— Это и есть твоя «рухлядь»? — Димон даже привстал в лодке.

Стас нахмурился:

— Странно. Для пустующего дома — слишком хорошо сохранился.

— Он же не век пустует, — ответил Алекс. —Просто за домом смотрели, даже не живя в нём постоянно.

Лодочник, который до этого молчал, бросил короткий взгляд на дом:

— Здесь ничего просто не бывает.

И снова замолчал.

Они приближались к берегу, и дом становился всё крупнее, всё реальнее — и у каждого появилось странное ощущение, будто он не просто стоит, а ждёт их. Лодка мягко ткнулась носом в камни. Старик заглушил мотор, и настороженная, непривычная тишина накрыла их почти ощутимо.

— Приехали, — сказал он.

Алекс первым спрыгнул на берег. Камни под ногами были тёплыми от солнца, но почему-то казались влажными, словно недавно прошёл дождь — хотя небо было чистым. Он задержал взгляд на доме чуть дольше, чем стоило бы, будто что-то в нём узнавал.

Лада выбралась следом, осторожно балансируя.

— Ох… скользко.

Она схватилась за руку Алекса, и он машинально поддержал её. Лада огляделась — и по её лицу пробежала тень сомнения, будто место оказалось не таким «прикольным», как она себе представляла.

Димон, наоборот, выпрыгнул слишком бодро, поскользнулся, взмахнул руками, но удержался.

— Я жив! — объявил он. — Природа меня уважает.

Но потом он на секунду замолчал, глядя на дом, и его улыбка стала чуть менее широкой — едва заметно, но непривычно.

— Пока уважает, — заметил Стас.

Он ступил на камни последним, медленно, будто прислушиваясь к земле. Его взгляд скользнул по дому, по окнам, по крыше — и в этом взгляде впервые мелькнуло что-то похожее на настороженность, не профессиональную, а почти… личную.

Они начали выгружать вещи. Старик помогал молча, ловко, будто делал это сотни раз. Когда последняя сумка оказался на берегу, он сказал:

— Я завтра подъеду. Может, вам на берегу надо будет что-то. Если… — он чуть прищурился, — тут всё будет в порядке до этого.

— Что значит «если»? — спросила Лада.

Старик не ответил. Только посмотрел на дом, стоящий на склоне, и в его взгляде мелькнуло что-то… странное.

Недалеко от них на берегу стояла лодка.

— А ты говорил, что дом пустой и на острове никого нет, — сказал Стас, кивая в сторону моторки.

Алекс неопределённо пожал плечами.

— На острове всегда кто-то есть, — пробубнил старик себе под нос, толкая свою лодку в воду. Потом запрыгнул в неё, завёл мотор и уплыл, даже не оглянувшись.

— Странный дед какой-то, — скривив губы, недовольно проворчала Лада.

Тропа к дому была широкой, немного заросшей, но явно используемой. Стас шёл первым, внимательно оглядываясь — привычка, от которой он не мог избавиться даже на отдыхе.

— Слышите? — вдруг сказал он.

Все остановились.

— Что? — спросила Лада.

Стас прислушался.

— Ничего. Совсем ничего. Даже птиц.

И правда — тишина была почти ненормальной: ни щебета, ни треска веток. Только ветер в соснах да редкий плеск воды позади.

— Может, время такое, — попытался пошутить Димон, но голос у него прозвучал тише обычного.

Они поднялись выше, и дом с башней, которая смотрела прямо на них, открылся полностью. Лада остановилась, прикусив губу.

— Он… красивый. Но какой-то… — она поискала слово. — Непростой. Как будто у него есть настроение.

— Не придумывай, — сказал Алекс, стараясь, чтобы голос звучал уверенно. Хотя сам он чувствовал то же самое — будто дом не просто стоит, а оценивает их.

Алекс достал ключ и открыл дверь.

Запаха пыли и затхлости внутри не было, а пахло деревом и чем-то неуловимо сладковатым, живым. В смысле… жилым, как будто в доме недавно кто-то находился. Воздух был невесомым, чистым, наполненным не столько ароматами, сколько чьим-то присутствием.

Димон прошёлся по холлу, оглядываясь по сторонам.

— Ну… выглядит не так уж плохо, — сказал он, хотя голос у него прозвучал тише обычного.

Стас подошёл к окну и провел пальцем по подоконнику.

— Здесь чисто.

Он обернулась.

— Ты говорил, что дом пустует. Но такое ощущение, что тут кто-то живёт.

Алекс хотел ответить, но в этот момент что-то тихо, едва слышно щёлкнуло в глубине дома. Как будто закрылась дверь… или кто-то прошёл по коридору. Все одновременно повернулись в ту сторону.

— Это что было? — спросил Димон, уже не пытаясь шутить.

Алекс сжал ключи в руке.

— Дом старый, — сказал он. — Дерево играет.

Лада взяла Алекса за руку.

— Ты уверен, что мы здесь одни? Такое впечатление, что кто-то ступил на старую половицу.

Алекс посмотрел в тёмный коридор, ведущий вглубь дома. Сначала раздались глухие, но отчётливые шаги. Потом нарисовалась тень, двигающаяся в их сторону.

Глава 3

Наконец на свет вышел мужчина. Он был лет шестидесяти пяти, высокий, сухой, с резкими чертами лица. Серые волосы аккуратно зачёсаны назад, одежда простая, но чистая: тёмная рубашка, жилет, плотные штаны. Он остановился в нескольких шагах, внимательно оглядывая их — не настороженно, скорее оценивающе.

— Добрый день, — сказал он негромко. Голос был хрипловатый, но уверенный. — Вы заблудились? Это частная собственность.

Алекс чуть нахмурился.

— Я Алексей Морозов. Хозяин этого дома.

Мужчина выпрямился, будто имя Морозовых имело для него особый вес.

— Тогда позвольте представиться. Фёдор Андреевич. Охранник… смотритель, если угодно.

Он слегка поклонился.

— Я присматриваю за домом, пока хозяева в городе.

Лада удивлённо моргнула.

— Вы… живёте здесь?

— Да, — спокойно ответил он. — В мои обязанности входит поддерживать порядок, следить за хозяйством, готовить дом к приезду хозяина.

Алекс почувствовал, как внутри что-то неприятно кольнуло.

— К приезду… кого? — спросил он слишком тихо.

Фёдор Андреевич посмотрел на него с искренним недоумением.

— Ивана Алексеевича, конечно. Полагаю, вашего деда. Он всегда предупреждал заранее — он или Олег Иванович.

Он огляделся, заметил чемоданы, и лицо его смягчилось.

— Прошу прощения. Мне никто ничего не сообщил. Я не ожидал гостей и не успел подготовить дом как следует.

Алекс медленно выдохнул.

— Мой дед… умер. Полгода назад. Дом теперь принадлежит мне.

Фёдор Андреевич замер. На секунду — будто окаменел. Потом отвёл взгляд, и в его лице появилось что-то похожее на растерянность, но слишком быстро спрятанное.

— Умер… — тихо повторил он. — Значит, вы сын Михаила Ивановича. Я… не знал. Мне следовало подготовить дом. Но…

Он снова склонил голову.

Лада шагнула ближе, улыбнулась мягко:

— Всё в порядке. Мы просто… не ожидали, что здесь кто-то есть.

Фёдор Андреевич кивнул, но взгляд его всё ещё был прикован к Алексу — внимательный, изучающий, будто он пытался понять, что теперь изменится в его жизни с появлением нового хозяина.

— Если позволите, — сказал он наконец, — я покажу вам дом. И… приведу всё в порядок. Как и положено. А вы пока сможете прогуляться по острову.

Холл оказался огромным. Потолок уходил почти на два этажа вверх, а по центру поднималась широкая деревянная лестница с тёмными резными перилами. Справа стоял камин.

Димон медленно повернулся вокруг себя.

— Братан… — сказал он наконец. — Ты говорил «дом отдыха».

— Так и было, — пожал плечами Алекс.

— Я думал, мы увидим советскую турбазу. С линолеумом и портретом Ленина.

Стас провёл рукой по перилам лестницы.

— Это явно не турбаза.

Фёдор Андреевич хмыкнул.

— Была турбаза. А в девяностые, когда дом перекупили, — перестроили. Вернее, вернули ему оригинальный интерьер XIX века.

Лада уже ушла вперёд и открывала одну дверь за другой.

— Здесь сколько комнат вообще?

— На втором этаже шесть, — сказал охранник. — И ещё две в башне.

— В башне? — оживился Димон. — Я беру башню.

— Там холодно, — спокойно сказал Фёдор. — И сквозняки. Не советую.

— Ещё лучше, — фыркнул Димон.

Лада вернулась в холл и посмотрела на лестницу.

— Спальни наверху?

— Да, — сказал Алекс.

Она уже поднималась по ступеням — лёгкая, уверенная, словно хозяйка дома.

— Я выбираю самую большую.

— Конечно, — пробормотал Стас. — Кто бы сомневался.

Наверху коридор оказался длинным, с окнами, выходящими на озеро. Сквозь стекло было видно, как ветер гонит по воде длинные серые полосы.

Лада открыла первую дверь, потом, вторую, третью.

Комната оказалась просторной: большая кровать с деревянной спинкой, старый шкаф, комод и два окна — одно на лес, другое на Ладогу.

Лада прошла внутрь и распахнула шторы. В комнату ворвался холодный северный свет.

— Всё, — сказала она. — Мы с Алексом спим здесь.

Алекс остановился у двери.

— Быстро ты решила.

Она повернулась к нему и улыбнулась.

— Конечно. Вид из окна шикарный.

Она открыла окно и посмотрела вниз: веранда, причал, лодка и узкая каменная лестница, уходящая к воде.

— Представляешь, — сказала она. — Утром кофе на этой веранде.

Димон заглянул через плечо Алекса.

— Неплохо.

Стас прошёл дальше по коридору.

— Тогда я беру следующую.

— А я башню! — крикнул Димон и побежал к лестнице в конце коридора.

Фёдор Андреевич, стоявший внизу, поднял голову.

— Я бы туда ночью не ходил.

Димон остановился.

— Почему?

Охранник пожал плечами.

— Старый дом. Там пол скрипит, и в окна ветер стучит. Неприятно.

Димон усмехнулся и махнул рукой.

— Ладно, если не башня, мне всё едино где спать.

Лада тем временем уже открывала шкаф.

— А у вас здесь вообще бельё есть?

Из коридора раздался голос смотрителя:

— Постели в комоде.

Лада выдвинула ящик.

— Нашла, — радостно прокричала она в ответ.

Она бросила комплект на кровать и повернулась к Алексу.

— Ну что?

— Что? — переспросил он.

— Ты так и будешь стоять в дверях?

Алекс усмехнулся и вошёл в комнату. Подошёл к окну и посмотрел на озеро.

Скалы, сосны, тёмная вода. И тишина. Когда он приезжал сюда раньше, здесь всегда было полно людей: родственники, партнёры деда и дяди Олега, какие-то подозрительные люди в чёрных очках и накачанные амбалы у каждой двери.

Лада раскладывала вещи на комоде.

— Здесь круто, — сказала она. — Даже не понимаю, зачем это продавать.

Алекс не ответил. Он смотрел на башню, поднимающуюся над крышей дома. И на секунду ему показалось, что в одном из узких окон мелькнуло движение. Он прищурился, но окно было пустым.

Лада подошла к стене, где висело старое зеркало в резной раме.

— Ого… какое красивое… Надо будет его домой забрать.

Она наклонилась ближе — и вдруг вскрикнула.

— Что такое? — спросил Алекс, резко оборачиваясь.

Лада медленно отступила.

— Мне показалось… — она сглотнула. — Будто в отражении кто-то стоял за мной.

Но в комнате, кроме них, никого не было.

После того, как все вещи были разложены, гости вышли из дома, и воздух сразу стал другим — свежим, влажным, с запахом хвои и камня. Тропа вела вдоль берега, между соснами, которые росли так густо, что казалось, будто они образуют стены.

— Красиво тут, — сказал Димон, раздвигая ветки. — Прямо как в рекламе йогурта с тропическим вкусом.

— Ты везде рекламу видишь, — фыркнула Лада.

Стас шёл чуть впереди, внимательно оглядываясь.

Остров был небольшим, но рельефным: каменные гряды, мох, корни, торчащие из земли, как старые жилы. Ветер гнал по воде длинные серебристые полосы, и Ладога казалась бесконечной.

— А вот это класс, — сказал Алекс, когда они вышли на открытую площадку у воды. — Здесь мы и пожарим мясо.

— Одобряю, — Димон уже ставил сумку на камень. — Я голодный, как волк.

— Ты всегда голодный, — заметил Стас. — До жратвы, выпивки и баб.

Димон даже не обиделся. Он только фыркнул и поднял голову от сумки.

— А что, по-твоему, должно держать человека в форме? — сказал он. — Высокие идеалы?

Стас усмехнулся:

— Хотя бы иногда.

Димон показал ему средний палец:

— Идеалы — это хорошо. Но шашлык — надёжнее.

Алекс усмехнулся:

— Радует, что человек честно признаёт свои приоритеты.

— Именно, — важно сказал Димон. — Я человек простой. Если есть возможность выпить и закусить в нормальной компании — жизнь удалась.

— Только здесь ветер сильный, — усаживаясь на камень и поправляя волосы, сказала Лада.

— На Ладоге иначе не бывает, — ответил Алекс.

Димон уже открывал сумку с продуктами.

— Ветер, не ветер… — пробормотал он. — Главное, чтобы дождь не пошёл, пока мы жарим.

Он достал упаковку мяса и поднял её, как трофей.

— Потому что если дождь испортит шашлык, я объявлю этому острову войну.

Стас покачал головой:

— Сначала научись разводить огонь.

— Эй! — возмутился Димон. — Я, между прочим, мастер мангального дела.

Он занялся мангалом, Стас раскладывал шампуры, а Лада, сидя на большом камне, болтала ногами и наблюдала за ними.

— Я вообще-то могу помочь, — сказала она.

— Можешь, — кивнул Алекс. — Но ты же не хочешь.

Лада улыбнулась:

— Не хочу.

Запах дыма и маринада быстро наполнил воздух. Ветер уносил его к воде, и казалось, что весь остров пропитался этим ароматом.

Димон открыл бутылку вина.

— За приезд, — сказал он, разливая по пластиковым стаканам. — И за то, что мы наконец-то выбрались из города.

— И за то, чтобы в доме не было привидений, — добавила Лада.

— Точно, — улыбаясь, согласился Стас.

Димон покрутил бокал, вдохнул аромат и довольно кивнул — выбрал он, как всегда, безошибочно. Они чокнулись и выпили. Французское вино было сухим, терпким, и по телу разлилось приятное тепло.

Шашлык уже шкворчал на углях, воздух был тёплым, пропитанным дымом и хвойным запахом. Димон оглянулся на дом, который виднелся между соснами, и хмыкнул:

— Слушайте… а этот смотритель, «Федька на заимке», вообще шикарно устроился.

Алекс поднял бровь:

— Федька?

— Ну а как его ещё назвать? — Димон махнул рукой. — Живёт, понимаешь, в здоровенном доме, по счетам не платит, коммуналки нет, соседей нет, пробок нет. Рай, а не работа.

Лада рассмеялась:

— Ты ему завидуешь?

— Ещё бы, — не смутился Димон. — Два-три раза в год приготовил дом к приезду «барина», постелил постель, протёр пыль — и всё, живи себе дальше. Зарплату получает, дом в его распоряжении, природа вокруг… Я бы тоже так мог.

Стас покачал головой:

— Ты бы через неделю сбежал. Здесь даже твою любимую пиццу не доставят, не то что суши за триста рублей за ролл. Здесь тишина и одиночество.

— Одиночество — это когда интернета нет, — парировал Димон. — А если есть Wi-Fi, то хоть на Северном полюсе живи.

Алекс усмехнулся:

— Сомневаюсь, что у Фёдора Андреевича тут Wi-Fi.

— Вот и зря, — сказал Димон. — Я бы ему роутер поставил. И приставку. И телек на стену.

Он оглядел дом ещё раз.

— Хотя… может, ему и так нормалек. Старый дом, лес, озеро… романтика.

Лада хихикнула:

— Романтика — это когда ты не один. А он тут годами живёт.

— Ну… — Димон пожал плечами. — Может, он интроверт. Или от людей отдыхает. Я бы тоже отдохнул.

Стас посмотрел на него с прищуром:

— Ты от людей? Ты?

— Да! — возмутился Димон. — Я вообще-то тонкая душевная организация.

Все засмеялись.

Солнце медленно опускалось, окрашивая всё в золотисто-розовый свет, и на мгновение действительно казалось, что жизнь проста и легка.

Алекс сидел чуть в стороне, слушал их разговоры и думал, что давно не видел своих друзей такими расслабленными. Он почувствовал, как внутри разливается тёплое, почти забытое чувство нормальности. Он посмотрел на дом — в окнах отражался закат, и дом казался почти живым: тёплым, дышащим, каким-то родным.

Лада смеялась над шутками Димона, запрокидывая голову. Алекс смотрел на неё и подумал, что никогда не видел её такой открытой, такой искренней, как сейчас.

Её смех был звонким, ненаигранным, и Алекс вдруг поймал себя на мысли — не на чувстве, а именно на мысли — что, наверное, рядом с ней он уже может позволить себе успокоиться и отпустить прошлое.

Димон, как всегда, был душой компании. Его истории, приправленные причудливой смесью правды и вымысла, вызывали у всех бурю эмоций — от хохота до лёгкого недоумения, которое быстро сменялось новой волной веселья.

Алекс снова взглянул на Ладу. Она, заметив его взгляд, повернулась и улыбнулась. Улыбка была не той, дежурной, которую она раздавала всем подряд, — а тёплой, мягкой, будто предназначенной только ему. Алекс почувствовал, как внутри что-то едва заметно дрогнуло.

Не вспыхнуло — нет. Скорее, шевельнулось там, где долгое время было тихо и пусто, как в заброшенной комнате, дверь в которую он давно закрыл и не собирался открывать. Он не знал, что это было — слабое эхо того, что когда-то умел чувствовать, или робкая попытка чего-то нового пробиться сквозь осторожность, ставшую привычкой.

И он позволил себе — всего на секунду — подумать, что, возможно, не всё внутри него окончательно выгорело. Что, может быть, он ещё способен на что-то большее, чем вежливые улыбки и аккуратную дистанцию.

— Ты чего такой тихий? — спросила Лада.

— Просто… хорошо, — ответил он. — Давно так не было.

Она посмотрела на него чуть дольше, чем нужно.

— Мне тоже.

Они сидели у воды, слушали плеск волн и потрескивание углей. Разговоры стали тише, ленивее.

— Слушайте, — сказал Димон, глядя на озеро. — А ведь тут реально красиво. Даже как-то… спокойно.

— Спокойно — это хорошо, — сказал Стас.

Лада положила голову Алексу на плечо.

— Давай завтра обойдём остров полностью, — сказала она ему на ухо. — Хочу всё увидеть. Только давай вдвоём — ты и я.

— Давай, — ответил он.

И в этот момент всё казалось простым и безопасным…

После шашлыка они ещё долго сидели у мангала. Огонь тихо потрескивал, дым уходил в сосны, а Ладога постепенно темнела, становясь тяжёлой и почти чёрной. Димон рассказывал какие-то бесконечные истории, Стас спорил с ним о музыке, кино и литературе, а Лада, укутавшись в плед, сидела рядом с Алексом и смотрела на воду.

Дом за их спинами темнел, высокие окна отражали огонь, и башня поднималась над крышей, как тёмный силуэт. Когда стало совсем прохладно, они разошлись по комнатам.

На остров опустилась ночь…

Дом затих, а ветер, наоборот, немного усилился, и Ладога шумела так, будто кто-то огромный ворочался в темноте.

Алекс долго не мог уснуть. Сквозь тонкие стены доносились то какие-то звуки, похожие на вздохи, то шорохи, то лёгкие щелчки — будто дерево вдруг вспоминало, что оно живое.

Иногда казалось, что по коридору кто-то проходит: мягко, осторожно, как человек, который не хочет никого разбудить.

Он несколько раз вставал, подходил к двери, прислушивался. Но лишь ветер посвистывал, нарушая тишину.

Лада спала рядом, свернувшись клубком, и её дыхание было ровным и спокойным. Алекс смотрел на неё и думал, что чувствует себя рядом с ней очень странно.

Она была молодой, красивой, лёгкой на жизнь. С ней всё всегда было просто: рестораны, поездки, смех, шумные вечеринки, её бесконечные рассказы о знакомых, о салонах, о планах на будущее. Она умела заполнять пространство вокруг собой так, что рядом с ней почти не оставалось тишины.

Лада лежала совсем близко — можно было протянуть руку и коснуться её плеча — и всё же Алекс чувствовал себя так, будто находится в комнате один.

Он поймал себя на мысли, что пытается любить её — изо всех сил — но любовь не складывается из попыток, как мебель из инструкции.

Он смотрел на её лицо в слабом свете луны, падавшем из окна, и понимал, что почти не знает её по-настоящему.

Он знал, как она смеётся, как сердится, как любит фотографироваться, как раздражается, если пропадает интернет. Знал её привычки, её капризы, её лёгкость. Но не знал её тишины — тех редких мгновений, когда открывается душа.

Возможно, потому, что у Лады её просто не было. А возможно — потому, что он искал в ней не её саму, а то, что отчаянно хотел закрыть в себе.

Алекс смотрел в потолок и подумал о том, что когда-то всё было иначе. Когда-то рядом с ним лежала другая девушка, и с ней даже молчание было наполненным — настоящим, тёплым, таким, от которого внутри становилось спокойно. Тем самым чувством, которое он давно старался не вспоминать.

Они могли молча смотреть друг на друга, и слова были не нужны. Достаточно было одного взгляда, едва заметной улыбки, лёгкого движения руки.

Он оборвал мысль, даже не дав ей закончиться, и перевернулся на другой бок. Эти воспоминания он обычно не пускал в голову.

Особенно ночью.

Лада тихо вздохнула во сне и придвинулась ближе. Алекс ощутил тепло её тела, но чувство странной пустоты всё равно не исчезло.

И в этот момент наверху что-то тихо скрипнуло, Алекс замер и прислушался. Сначала тишина, потом снова тихий звук, как будто на верхнем этаже осторожно наступили на доску пола.

Глава 4

Алекс чертыхнулся и заставил себя не думать об этом…

По среди ночи Димон проснулся. Вернее, он не сразу понял, что проснулся. Ему казалось, что он всё ещё спит, потому что в комнате было темно, а где-то рядом тихо скрипели доски. Он лежал, не открывая глаз, и слушал… скрип.

Потом за дверью раздались шаги. Димон открыл глаза и сел.

— Стас, ты?

Ответа не было. Но шаги медленно прошли по коридору. И потом всё стихло.

Димон посидел немного в темноте, пожал плечами и снова лёг.

— Старый дом… — пробормотал он и через минуту уже снова спал…

… Лада проснулась среди ночи от того, что ей холодно. В комнате было тихо. Она приподнялась на локте и посмотрела на окно. Лунный свет лежал на полу длинной полосой. Лада уже собиралась снова лечь, когда ей показалось, что в углу что-то двинулось.

Она резко села и ей показалось, что тень у шкафа медленно качнулась. Девушка затаила дыхание, пытаясь разглядеть силуэт в полумраке. Сердце забилось быстрее, отдаваясь стуком в ушах. Она медленно, стараясь не сделать ни единого резкого движения, протянула руку к прикроватной тумбочке за телефоном.

Ветер сильнее ударил в окно, и ветви сосен за стеклом зашевелились. Лада включила фонарик на телефоне. Тень исчезла.

Лада выдохнула.

— Господи…

Она посмотрела на спящего Алекса. Через несколько минут она тоже снова заснула…

День второй

Утро оказалось серым. Ветер немного утих, но волны на Ладоге всё равно были.

На кухне пахло кофе и жареными тостами. Когда Алекс вошёл, Димон уже сидел за столом и ковырял вилкой яичницу.

— Доброе утро, — сказал Алекс.

— Если это можно так назвать, — буркнул Димон.

— Не выспался?

— В вашем дворце кто-то ходит по ночам.

Алекс усмехнулся.

— Это называется «старый дом».

В этот момент вошёл Стас.

— Кто-то ходит где?

— По коридору, — сказал Димон. — Я слышал шаги.

Стас остановился у стола.

— Ага. Значит, не показалось. Я тоже слышал шаги. Тяжёлые такие, как будто мужик в ботинках.

— Этот дом доисторический, — отмахнулся Алекс. — Дерево играет.

— Дерево не ходит, — заметил Стас.

Димон поднял палец:

— А я еще слышал, как будто кто-то шуршал у меня под дверью.

Он сделал паузу.

— Я думал, это вы прикалываетесь.

Лада вошла на кухню последней. Она выглядела немного бледной.

— Только не говорите, что тебе тоже не спалось, — сказал Димон.

Лада села рядом с Алексом.

— Нет, я спала очень хорошо, — сказала Лада. — Но…в какой-то момент проснулась… и мне показалось, что кто-то стоит в углу.

Все посмотрели на неё.

— Что значит «кто-то»? — спросил Стас.

— Я не знаю, — сказала она. — Как будто тень… а потом всё пропало.

Несколько секунд все молчали. Потом Алекс пожал плечами и уверенно сказал:

— Во-первых, Димон, скорее всего, вчера перебрал. Вот ему с пьяна и слышались звуки. А возможно, это Федор в ботинках шуршал по своим хозяйственным делам. А тени… вообще просто объяснимы. Перед окнами сосны, ветер их раскачивал – вот тебе и тени.

— Да, — сказал Димон. — Но если сегодня ночью этот ветер снова будет топать по коридору и пугать нас, надо бы с нег брать аренду за постой.

Лада тихо рассмеялась.

— Расслабьтесь. Это просто старая дача.

Алекс кивнул.

— Именно.

— Ну… — Димон пожал плечами. — Тогда, возможно, это был очень инициативный старый таракан.

Стас усмехнулся:

— Таракан размером с волкодава?

— Может, мышь, — предположила Лада.

— Мышь, которая дёргает ручку двери? — уточнил Стас, театрально закатывая глаза и качая головой от женской «тупости».

Лада посмотрела внимательно на Алекса:

— Ты тоже слышал шаги?

Он налил себе кофе, сделал глоток и только потом ответил:

— Нет.

И поставил кружку на стол.

— Ну слава Богу, — наиграно выдохнул Димон. — Хоть у кого-то с психикой всё нормально.

—Я слышал голос, — уточнил Алекс.

На секунду все притихли.

— Отлично, — сказал Стас. — Мы собираем коллекцию ночных звуков.

— Ну класс, — сказал Димон. — Первый же день, а у нас — хоррор.

— Это старый дом, — повторил Алекс, но уверенности в голосе было меньше.

Лада подошла к нему, коснулась плеча:

— Может, просто непривычно. Новое место, ночь, ветер…

— Угу, — сказал Димон. — А ещё призраки, домовые и Федька, который ходит по ночам проверять, не украли ли мы его кастрюли.

Стас усмехнулся:

— Кстати, где он? Я думал, он тут с утра будет.

— Может, ушёл по делам, — пожимая плечами, ответил Алекс.

Но почему-то это объяснение никому не показалось убедительным.

Лада взяла его за руку:

— Пойдём. Давай обойдём остров, как и хотели.

Алекс кивнул.

Но перед тем как выйти, он ещё раз посмотрел на лестницу, ведущую на второй этаж. И ему показалось, что наверху, в тени, что-то мелькнуло…

ххх

Lexus цвета мокрого асфальта припарковался у краеведческого музея.

Из него вышла женщина лет тридцати — высокая, стройная, с собранными в аккуратный хвост тёмными волосами. На ней была лёгкая тёмная ветровка, под ней — простая белая рубашка с закатанными рукавами и узкие тёмные джинсы. На ногах — удобные кожаные ботинки на плоской подошве, больше похожие на обувь человека, который привык ходить по старым лестницам, чердакам и каменным подвалам, чем по городским тротуарам. Через плечо висела кожаная сумка, из которой выглядывал край папки с документами.

Она закрыла машину, вдохнула прохладный утренний ладожский воздух, на секунду остановилась и посмотрела на здание музея.

Лицо у неё было спокойное, почти строгое: чёткая линия скул, тёмные внимательные глаза, которые сразу цеплялись за детали — облупившуюся краску на оконной раме, старую вывеску, неровные ступени у входа.

В её внешности не было ничего показного. Никакой броской косметики, из украшений - тонкие часы на запястье и на шее — тонкая, почти незаметная золотая цепочка с маленьким кулоном. Это был изящный золотой ключик. Он был сделан очень тонко: старинная форма, маленькие завитки на бородке, а в круглой головке ключа был вставлен тёмный камень. Он казался почти чёрным, но если на него попадал свет, в глубине вспыхивал холодный синий отблеск. Это был лабрадорит.

Молодая женщина поднялась по ступеням, толкнула тяжёлую дверь музея и на секунду задержалась на пороге, будто прислушиваясь к тишине внутри. Она дотронулась пальцами до подвески на шее — как делала всегда, когда хотела придать себе уверенности, — и невольно улыбнулась нахлынувшему воспоминанию.

«Бриллианты слишком предсказуемы, — словно шептало оно. — Они сразу показывают всё, что есть. А лабрадорит живёт по-другому. Сначала тёмный, холодный, непроницаемый. Но стоит поймать свет под правильным углом — и внутри вспыхивает… голубое, серебристое… будто вода ночью.

Ты… такая же. Снаружи спокойная, строгая, непробиваемая. Но стоит присмотреться — и всё вдруг меняется. Свет появляется внутри. И понять тебя — почти как увидеть настоящую воду, настоящую глубину».

Она вздохнула, отогнала пришедшие воспоминания и вошла в здание музея.

— Доброе утро, — приветствовала она ожидавшую её у входа директора. — Я Анастасия Талви, я звонила вам насчет «Дачи Яропольского».

Она протянула визитку.

Анастасия Талви. Кандидат исторических наук, эксперт по архитектурному наследию Северо-Запада.

Директор музея, Нина Ивановна, — женщина лет пятидесяти с аккуратно собранными волосами и усталым, но внимательным взглядом — провела Анастасию через небольшой холл, мимо витрин с окаменелостями, старинными картами и фотографиями довоенной Ладоги.

— Вы сказали по телефону, что в интернете почти ничего нет, — начала она, открывая ключом дверь в служебное помещение. — И это правда. Про дом Яропольского… информация всегда была какой-то обрывочной. Как будто её специально не сохраняли.

Историк слегка кивнула. Она это уже заметила.

— А с чего это вдруг наука заинтересовалась обычной дачей русского генерала XIX века? – доставая с полки папку, спросила директор.

— Нынешние хозяева хотят его продать. И им нужна историческая оценка дома, — объяснила Анастасия. — Но, если честно, есть мысль выкупить эту дачу и открыть в ней этнографическую экспозицию северных народов.

— Тогда вы пришли точно по адресу, — тихо усмехнулась Нина Ивановна. — Дача обычная, а вот история у неё… необычная и непростая.

Она раскрыла папку.

На первой фотографии — дом Яропольского начала XX века. На снимке — лето, яркое солнце, люди на веранде. Женщина в длинном платье, мужчина в форме.

— Это генерал? — спросила Анастасия.

— Да. Яропольский служил ещё при Николае Втором. Дом построил в 1896 году. Тогда это место считалось уединённым, почти диким. Он хотел тишины. И… — директор замялась. — Говорят, что хотел спрятать от семьи возлюбленную.

Тая подняла взгляд.

— От семьи?

— Скорее, от самого себя, — тихо сказала директор. — Он был… сложным человеком. Страстным и ревнивым. С одной стороны, он не хотел, чтобы за его спиной шептались о его личной жизни, а с другой – он хотел кричать на весь мир, как он счастлив. Устраивал на даче приёмы, балы, дружеские встречи.

Она достала вторую фотографию.

На ней — тот же дом, но уже осень. На террасе человек пять мужчин в офицерской форме и несколько женщин.

—На одном из таких мероприятий генерал приревновал даму своего сердца к молодому поручику и в порыве ярости убил ту, которую любил.

Нина Ивановна показала газету, где текст едва различался: «Трагическая гибель молодой девушки. Подозрение на ревность генерала Яропольского».

—Тело девушки нашли рыбаки, а самого генерала – в его кабинете, с выстрелом в сердце. Бедолага покончил с собой от горя. После этого, — продолжила директор, — многие считали особняк проклятым. Жители говорят, что дух девушки бродит по дому, а призрачные шаги и шёпоты слышатся в коридорах до сих пор. Сохранилось личное письмо генерал его другу, потомки которого любезно передали его в музей, — добавил директор, — Яропольский писал: «Никогда не забуду её глаз…». Все считали это признанием в любви, а, возможно, это было признание вины.

Анастасия вздрогнула. Это легенда неприятно отозвалась в её душе. Тело её погибшей матери тоже нашли рыбаки.

История советского периода дома её не интересовала. И, попрощавшись с директором, Анастасия поехала к пристани.

Дорога была узкой, петляла между соснами, и чем ближе она подъезжала к воде, тем сильнее становился запах сырости и хвои.

Припарковав машину, она вышла из *Lexus* и автоматически огляделась — привычка человека, который всегда фиксирует окружение.

Рядом стоял внедорожник. Тёмно-серый, массивный, с широкими колёсами и слегка запылёнными боками — видно, что ездил не только по асфальту и проделал длинный путь.

Toyota Land Cruiser.

Анастасия зачем-то провела пальцами по металлическому значку на решётке радиатора. Холодный металл и до боли знакомый логотип. И вдруг в голове вспыхнула мысль — резкая, почти раздражённая:

«Lexus — это просто Toyota бизнес - класса.»

Она неприятно сморщилась. Даже не из-за машины — из-за того, что эта фраза была слишком знакомой. И в мозгу пульсировали не столько слова, сколько голос, который она давно старалась забыть.

Она убрала руку, будто обожглась, и выпрямилась.

— Чёрт… — тихо сказала она себе под нос. — Опять.

Ветер с озера ударил в лицо — прохладный, сырой, отрезвляющий. Анастасия глубоко вдохнула, сбрасывая остатки раздражения, и направилась к лодочнику, который уже ждал у моторки.

Он поднял голову и оценивающе посмотрел на неё — на аккуратную одежду, сумку, уверенную походку.

— На остров? — спросил он. — К дому Яропольского.

Лодочник хмыкнул, будто само слово — «Яропольский» — было для него чем-то вроде дурного предзнаменования.

— Да, — кивнула Анастасия.

— Ну… садитесь. Нынче дача популярна стала, — сказал он.

И пробурчал себе под нос:

— Не к добру это.

Она не придала значения его словам, шагнула в лодку, и доски под ногами тихо скрипнули.

Вода у причала была тёмной, густой, как холодный металл. Лёгкая рябь бежала по поверхности, отражая серое небо.

Устроившись на сиденье, молодая женщина положила сумку рядом и ещё раз бросила взгляд на стоящий у причала внедорожник.

Toyota.

Сильная, надёжная, тяжёлая. Совсем не похожая на её *Lexus* — гладкий, тихий, почти стерильный. И почему-то это сравнение кольнуло её сильнее, чем должно было.

Лодочник завёл мотор и лодка, дрогнув, оттолкнулась от причала и пошла вперёд, разрезая тёмную воду. Анастасия смотрела на озеро, но в глубине её мыслей всё ещё звучал, всплывающий из её воспоминаний, голос. И к нему уже прибавлялся образ, который она пыталась забыть.

Молодой мужчина — высокий, с прямой спиной и привычкой смотреть немного исподлобья, словно он сначала оценивал человека, а потом решал, стоит ли говорить. Тёмные волосы, лёгкая небритость, и глаза — холодные на первый взгляд, но с той глубиной, которая делает молчание опаснее слов.

Анастасия попыталась отмахнуться от образа, но он не исчезал, а казалось, становился еще ярче.

— До острова минут десять, — услышала она лодочника. — Ветер сегодня слабый, повезло вам.

Анастасия кивнула, хотя ветер казался ей совсем не слабым. Брызги летели в стороны, холодные, как стекло. Она сидела прямо, держась за поручень, и смотрела вперёд.

Она любила такие поездки — когда вокруг только вода, ветер и собственные мысли. Но сегодня мысли были странно тяжёлыми.

История Яропольского не отпускала. В ней было много совпадений с историей её семьи. Она коснулась пальцами кулона. Камень был холодным, как сама Ладога.

«Проклятый дом… голоса… исчезновение…» — вспоминались слова директора.

Она не верила в мистику. Но она верила в память мест. И в то, что некоторые дома действительно держат в себе то, что в них произошло. Это она, как специалист, знала точно.

Лодочник вдруг сказал:

— Вон он. Видите?

Анастасия подняла взгляд.

Дом Яропольского появился из-за сосен постепенно, как будто не хотел показываться сразу.

Сначала — крыша.

Потом — башня, тёмная, строгая, похожая на сторожевой пост.

Потом — фасад, высокий, с узкими окнами, которые смотрели на озеро, как глаза.

Анастасия невольно задержала дыхание. Дом был… не таким, как на фотографиях. На снимках он казался старым, но обычным. Сейчас же — он выглядел живым.

Лодочник бросил взгляд на неё:

— Красивый, да? Только… не всем нравится. Говорят, тяжёлый он. Давит.

Анастасия не ответила. Она смотрела на дом, и внутри у неё поднималось странное чувство — смесь тревоги и притяжения.

— Когда вас забрать? — поинтересовался лодочник.

— Завтра к вечеру. Надеюсь этого будет достаточно.

Лодка подходила к берегу, когда к нему стали спускаться вышедшие из дома люди. Гравий под ногами скрипнул, когда Анастасия ступила на берег. Ветер ударил в лицо, холодный, резкий.

И она подняла голову.

— Если что — звоните. Вот мой телефон. — Анастасия машинально взяла кусочек бумажки, протянутой лодочником. — Но связь тут плохая, — добавил старик. — И, скорее, к завтра ветер усилится.

Она кивнула, но почти не слышала, что говорит лодочник, её взгляд застыл на трёх мужчинах, вышедших из дома.

Глава 5

Они спускались к лодке по гравийной дорожке — неторопливо, разговаривая между собой.

Впереди шёл высокий, широкоплечий мужчина, которого она ни разу не видела. Он что-то оживленно рассказывал, размахивая руками.

Потом взгляд скользнул по второму — более спокойному, с прищуром человека, который привык всё замечать. И сердце её болезненно дёрнулось.

Стас.

Она знала его давно и слишком хорошо. Мужчина тоже узнал её. На секунду его лицо застыло, будто кто-то дал ему пощёчину. Но он быстро взял себя в руки, но брови всё же немного дрогнули.

Анастасия не успела ничего подумать — потому что, когда из-за их спин вышел третий, мир для неё, казалось, на мгновение перестал двигаться.

Лёшка. Алексей Морозов.

Он замер, будто наткнулся на невидимую стену. Губы приоткрылись, словно он хотел что-то сказать, но слова застряли в горле. Он смотрел на неё широко раскрытыми глазами — с плохо скрываемым потрясением и волнением.

Под его взглядом Анастасия ощутила, как кровь приливает к щекам, а внутри всё проваливается, будто земля ушла из-под ног. Она не знала, что он здесь. Даже представить не могла, что встретит его на этом острове.

В голове пронеслась мысль о том, как судьба может жестоко шутить. Но это была не шутка — это было издевательство над ней.

Лёшка Морозов — тот, кого она любила. Тот, кого она оставила пять лет назад, теперь стоял перед ней, глядя так, будто увидел призрак.

— …Тая? — выдохнул он почти беззвучно имя, которое он не позволял себе произносить годами.

Анастасия почувствовала, как внутри всё сжалось. Она не могла выдавить ни слова. Губы дрогнули, но голос так и не сорвался.

Стас сделал шаг вперёд — будто пытаясь встать между ними и защитить обоих от удара.

— Тая… — сказал он тихо, осторожно. — Ты… что здесь делаешь?

Он был ошарашен, но, быстро спохватившись, начал соображать логически и спросил:

— Ты по работе тут?

Она механически кивнула, как будто тело двигалось само, а сознание отстало где-то в лодке. Алекс медленно выпрямился. Лицо стало жёстким, холодным и до боли сдержанным.

— Я ожидал Анастасию Талви, — произнёс он ровно. — Эксперта по архитектурному наследию.

— Это я, — еле слышно выдавила из себя женщина.

Алекс коротко, безрадостно усмехнулся.

— Отлично. Просто прекрасно.

Его голос был спокойным. Таким спокойным, что от него становилось холодно. Анастасия почувствовала, как сердце сжимается — от того, что он говорит с ней так, будто она чужая.

Хотя когда-то… когда-то он знал каждую её тень, каждую улыбку, каждую клеточку её тела.

— Алекс… — попыталась она сказать, но голос сорвался.

Он отвернулся, глядя на дом.

Стас смотрел на них обоих — с тревогой, с пониманием, с тем самым старым тихим сочувствием, которое он всегда умел прятать.

Димон переводил взгляд с Алекса на Анастасию, не понимая, но чувствуя, что попал в эпицентр чего-то огромного.

Алекс снова посмотрел на Таю — коротко, резко, будто не мог удержаться. В его взгляде было всё: боль, злость, любовь, ненависть, и то, что он так отчаянно пытался скрыть даже от самого себя — как сильно он скучал.

Тая стояла на берегу, сжимая ремень сумки так, что побелели пальцы. Она приехала сюда работать. Она приехала сюда как Анастасия Талви. Но дом Яропольского, казалось, решил иначе. Он вернул ей прошлое. И теперь ей придётся смотреть ему в глаза.

Напряжение между Таей и Алексом было почти осязаемым — тяжёлым, плотным, как воздух перед грозой.

Стас стоял чуть в стороне, будто готовый в любой момент вмешаться. А Димон молчал, впервые не находя ни одной шутки. И именно в этот момент дверь дома распахнулась.

— Я ушла! — звонко выкрикнула Лада, вылетая на крыльцо.

Но, увидев мужчин на берегу, она побежала к ним. Развивающиеся на ветру волосы, болтающаяся на плечах ветровка делали её похожей на беззаботную птичку. Она была яркой, шумной, живой — полной противоположностью той тишине, что только что стояла между Таей и Алексом.

Лада подбежала и на ходу чмокнула Алекса в щёку. Он не повернул голову, но и не отстранился. Ни один мускул не дернулся на его лице,

— Что Бусе купить? — спросила она, уже отворачиваясь к лодке. — Сыр? Рыбу? Или что-нибудь сладенького?

Алекс не ответил. Он, не моргая, смотрел на Таю, словно Лада была где-то очень далеко.

Это слово — «Буся» — ударило в Таю так, будто кто-то резко дал ей под дых, и она готова была согнуться. «Буся». Это было слишком… интимно. И до неё стало доходить, кто эта смазливая девица для Алекса. Анастасия даже не сразу поняла, что перестала дышать. Чтобы скрыть дрожь в пальцах, она сжала ремень сумки еще сильнее.

Лада наконец заметила женщину у лодки.

— А, это вы… — сказала она равнодушно, скользнув взглядом по Тае. — Оценщик-архитектор.

Взгляд был быстрым, поверхностным, но всё же с превосходством оценивающим. Лада даже не попыталась скрыть это.

Тая почувствовала, как внутри что-то болезненно сжалось. Не от девушки — нет. От того, что Алекс не сделал ни шага, ни жеста, ни слова, чтобы обозначить… хоть что-то. Он стоял как человек, которого ударили по голове пыльным мешком.

Лада повернулась к нему:

— Буся? Ты чего такой?

Она коснулась его руки.

Алекс вздрогнул. Едва заметно, но Тая увидела. Его лицо на секунду исказилось болью, злостью и растерянностью. Словно это «Буся» ударило и по нему тоже. Но легче ей от этого не стало.

Стас тихо выдохнул, понимая, что сейчас всё станет хуже. И сделал шаг к другу. Алекс медленно повернул голову к Ладе. Глаза были тёмными, тяжёлыми, как Ладога перед штормом.

— Лада… — сказал он тихо, почти глухо. — Я просил.

Лада моргнула, не понимая:

— Что? Я просто… спросила.

Алекс выдохнул — коротко, резко.

— Отправляйтесь в деревню без меня, — сказал он тихо, но так, что даже Димон поднял брови. — Я покажу архитектору дом.

Лада замерла на секунду, удивлённо моргнула, но потом пожала плечами:

— Ну ладно… Хотя… Фёдор мог показать.

И ушла, даже не оглянувшись. Димон последовал за ней.

— Может, мне остаться? — нерешительно спросил Стас.

— Я тебя умоляю! — съязвил Алекс.

Звук мотора удалялся, и на остров возвращалась тишина. Но теперь она была другой — тяжёлой, давящей, почти невыносимой. Алекс смотрел на Таю так, будто она была раной, которая вдруг снова открылась. А она чувствовала, как внутри поднимается то, что она так долго держала под замком.

Алекс стоял напротив неё, будто не знал, что делать с руками, с дыханием, с самим собой. Его взгляд был жёсткий, но внутренне напряжённый, как натянутая тетива, готовая рвануть.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.